

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Албогачиев М.М. К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. С. 130-148. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69964 EDN: MHYYZZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69964

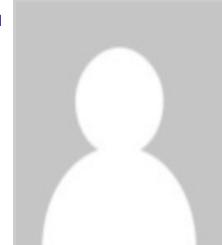
К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани

Албогачиев Магомед Михаилович

ORCID: 0009-0006-3925-1554

студент; кафедра «История»; Ингушский государственный университет
386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, пр. И.Б. Зязикова, 7, каб. 302

 magomed_albogachihev77@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69964

EDN:

MHYYZZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2024

Аннотация: Настоящая работа посвящена миграционным процессам, происходившим в XVII-XVIII вв. среди ингушских племен, приведшие в итоге к основанию первого постоянного ингушского поселения в районе современного города Назрань. Проводится анализ сведений из исторических источников по данному вопросу, а также существующих на сегодняшний день основных версий. На республиканской научно-практической конференции «историческое определение даты образования Назрани», состоявшейся 15 июля 2000 г., было решено считать датой основания Назрани 1781 г. Однако некоторые исследователи до сих пор высказывают мнение, что поселения ингушей в Назрановской долине начали возникать лишь в начале XIX в. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе данных из исторических источников подтвердить обоснованность официально установленной даты основания Назрани. А также показать, что освоение территории Назрановской долины ингушскими племенами началось еще в XVII в. Для достижения цели статьи автор привлек значительное количество научной литературы и архивных данных, сопоставляя их со сведениями из ингушского фольклора. Новизна данной работы состоит в том, что вопрос об основании

Назрани рассматривается в контексте миграционных процессов, происходивших в среде ингушских племен в XVII-XIX вв. Обобщаются исторические работы об истории освоения территории Назрановской долины, сопоставляя их со сведениями из ингушских народных приказаний. В ходе исследования, автор приходит к следующим ключевым выводам: сведения из разных источников, связанных с данным вопросом, согласуются между собой и дополняют друг друга; ингушские племена начали освоение территории Назрановской долины в XVII в., а первое постоянное поселение на данной территории появилось в 1780-1781 гг. Произошло это после заключения ими договора с кабардинскими и кумыкскими князьями.

Ключевые слова:

Орцха Карцхал, Назрановская долина, Мударов, Этагай, ингушки, карабулаки, князья, шамхал, чеченцы, царская администрация

Любой населенный пункт имеет свою историю. Имеет ее и ингушский город Назрань. Ингуши его называют ласково *Нана-Наьсаре*, т.е. «Мать-Назрань». Тем самым показывая, как дорог и любим им этот город, так как к матери у ингушей, как у мусульман, особое отношение.

Несколько столетий – небольшой возраст для города. Однако, несмотря на это, история Назрани богата на события. И одни из важнейших процессов в его истории происходили как раз впервые дни своего возникновения.

О времени основания первых поселений в районе будущего города нет точных данных. На республиканской научно-практической конференции «историческое определение даты образования Назрани», состоявшейся 15 июля 2000 г. было решено считать датой основания Назрани 1781 г. Проф. И. А. Даихильгов, который предложил данную датировку, основывался на сведениях русского офицера Л. Л. Штедера, побывавшего в районе Назрановской долины в том же 1781 г. Сам А. И. Даихильгов, на основе сопоставления данных из ингушского фольклора с данными, которые приводит П. Г. Бутков, приходит к выводу, что первое поселение ингушей в Назрани было основано в 1780 г. Но для более обоснованной датировки, профессор остановился на дате 1781 г.

Однако спекуляции по этому вопросу разного рода изданиях не прекращаются по сей день. Ввиду этого мы хотели бы привести дополнительные доводы в пользу обоснованности официально принятой даты.

Сторонники альтернативной версии указывают на рапорт коменданта крепости Владикавказ ген.м-ра Дельпоццо 13 июня 1810 г. ген. от инфантерии Булгакову, в которого сообщается: «Потом войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место, именуемое Назран, в расстоянии отсель за 32 версты [1, с.894-896].

Судя по этим данным, ингуши поселились в район Назрани в начале XIX в. Но если это так, то на кого нападало войско шейха Мансура в Назрани в 1785-1786 гг.? В рапорте Владикавказского коменданта подполковника К. Матцена на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 28 октября 1785 г., сообщается: «А в тож самое время приехали ис деревни Назирани жители с известием якобы развратник Ших переправился через реку Сунжу с велики толпами чеченцев и других народов» [2, л. 250]. Как видно из этого

документа, во времена шейха Мансура Назрань уже был населен.

Также это подтверждается сведениями из протокола допроса чеченского старшины Ганжеби, уроженца селения Алды, пойманного в с. Биевом на Военно-Грузинской дороге (документ датируется 4 декабря 1786 г.) [\[3, л. 274\]](#).

По всей видимости, ген. Дельпоццо говорит о последней группе переселенцев первого этапа освоения Назрань, происходившего до подписания «Акта присяги» в 1810 г. Или же недавно назначенный на пост коменданта Владикавказской крепости, русский офицер не владел всей полнотой информации об истории поселения ингушей в Назрани.

Ген. Ивелич в 1809 г. пишет про ингушей «недавно переселившиеся в район современной Назрани». Понятие «недавно» тоже неопределенное. Например, для сегодняшнего поколения «лихие девяностые» были недавно. А если речь идет о 2010-2020 гг., то резонно говорить «совсем недавно». Такое объяснение согласуется с теми историческими источниками, говорящими о том, что ингуши в районе Назрани на постоянной основе поселились примерно в конце XVIII в. Это также подтверждается в трудах исследователей XIX в. [\[4, с. 77; 5, с. 55\]](#).

Однако некоторые писатели XIX начала XX в., ссылаясь на ложные данные из сообщений вышеназванных русских генералов, связывали основание Назрани с подписанием т. н. «Акта присяги» в 1810 г. Б. К. Далгат отметил ошибочность таких утверждений [\[6, с. 50-51\]](#).

Часть ингушей действительно была насильно переселена в район Назрани в XIX в. Но в основном из тех мест, которые царская администрация считала для себя стратегически важными. Поэтому переселение происходило не только из сел вокруг Владикавказа и горных районов, но и из восточных районов Ингушетии. Например, в 1817 г. в связи с проведением Сунженской укрепленной линии и основанием здесь казачьих станиц ингуши были переселены из большей части Сунженского района в Назрань [\[7, 375-390\]](#).

Выселяя горных ингушей на плоскость, Россия пытаясь взять под свой тотальный контроль ингушское население, чего в горных районах ей было сделать намного труднее. Этот процесс, как и у других горских народов, у ингушей продолжался на протяжении всего XIX столетия. Переселение в одних случаях было организовано самими переселенцами, а в других – по инициативе царской администрации. Но это не отменяет тот факт, что возвращение ингушей на плоскость началось еще до основания редута Назрань или назначения ген. Дельпоццо комендантом Владикавказской крепости.

Согласно одному из народных преданий, переселение в Назрань возглавлял Орцха Карцхал из рода Мальсаговых, входящий в тейп Таргимхой. Это согласуется с тем, что в вышеприведенном документе упоминается старшина Назрани «Корсал» [\[3, л. 274\]](#). В предании сообщается, что о «Карцхал жил сперва в местности Ангушт. Он взял с собой своих однофамильцев; к ним присоединились многие ингуши и из других фамилий, и они отправились к месту, занимаемому ныне Назранью» [\[6, с. 70\]](#). Ангушт находился на территории современного Пригородного р-на. Его жители назывались ингушами или ангуштинцами. Это название в форме ингушевцы – с первой половины XIX в., и ингуши – с XX в., распространилось на все западновайнахские общества.

В другом варианте этого предания, записанного ориентировочно в 1930 г. от 80-летнего Довта Аушева, говорится: «Вскоре люди решили поселиться на том месте, где теперь находится город Назрань, так как эта земля была тогда свободна, а жившие там когда-то

черкесы еще ранее покинули ее и ушли далеко. "Как мы поселимся в Назрани? – стали думать люди и порешили. – Мы не сможем обосноваться, если не заручимся защитой Магомета-хаджи"» [8, с. 344]. Далее в предании сообщается, что переговоры о переселении ингушей в уроцище Назрань с Магометом-Хаджи вел Орцха Карцхал: «(...) и сказали ему: "Трудись для нас". Потрудился Карцхал и привел Магомета-хаджи с войском, который сказал людям: "Основывайте село на этом месте. Если кто нападет на вас, тому от меня будет больно"» [8, с. 344].

Кем был это мифический имам Магомет-Хаджи? Краевед Б. Ц-М. Хабриев в своей статье приводит еще один вариант этого предания, в котором вместо «Магомет-хаджи» упоминается «предводитель орстхоецев Махмад»: «Орцха Карцхал с Эги-Арсмаком спустились в долину, чтобы сначала выбрать землю для своего селения. Они нашли ее среди холмов и оврагов, покрытую густым лесом... Таргимхоецы слышали, что нынешнего князя Мударова хорошо знал предводитель орстхойцев Махмад. Слышали и о том, что Махмад – благородный человек и хорошо относится к галгаям, которых он называл братьями. Махмад имел дружину в сто человек и действительно был в добрых отношениях с князем Мударовым, владетелем этих земель» [Хабриев Б. Ц.-М. История с.п. Барсуки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20150810215627/http://adm-barsuki.ru/index.php/nashe-selo/istoriya-s-p-barsuki> (дата обращения: 08.12.2019)].

В последних двух вариантах предания речь идет о человеке благородного происхождения, которого звали *Магомет* (*Махмад* являются вариантом этого имени). В одном случае он назван «предводителем орстхоецев», в другом – имамом, который пришел с востока. Понятно, что здесь речь идет об одном и том же человека.

Орстхоецы жили на р. Фортанге, рядом с галгаевцами (жители Галгаевского общества в Ассиновском ущелье Ингушетии), к которым относились и таргимхоецы. Поэтому сомнительно, чтоб имам Магомед-хаджи был из орстхоецев, если приходил с востока. Да и по контексту предания видно, что Махмад или Магомет-хаджи не был из вайнахов и к нему относятся как к человеку из другого народа. К тому же в ингушском предании говорится, что Магомет-хаджи был имамом, который пришел с востока, и ним стояло много людей [8, с. 344]. А также, что он имел возможность собрать воинов от всех народов, что живут вокруг, начиная от моря (видимо, имеется в виду Каспийское море) и до гор [8, с. 345]. А такого человека среди малочисленных карабулаков в конце XVIII в. источники не фиксируют.

На востоке от ингушей и чеченцев жили только дагестанцы. Поэтому логично думать, что Магомет-хаджи был дагестанским владельцем. В этой связи интересно отметить, что Л. Л. Штедер, побывавший в ущелье р. Фортанги в 1781 г., описывает свои переговоры со старшиной одного из карабулакских деревень, в которые он отправился в сопровождении карабулакского отряда, возглавляемого андреевскими (т.е. кумыкскими) князьями. Когда подойдя к деревне Л. Л. Штедер заметил, что жители были встревожены увидев русских, то он приказал карабулакскому отряду войти в село и успокоить жителей. Из сообщения Л. Л. Штедера видно, что вооруженные карабулаки, возглавляемые андреевскими князьями, не были местными. Дополнительным подтверждением этому является тот факт, что автор сообщает о желании карабулаков этой деревни принять христианство «Они умоляли о защите их русскими, просили приказать крестить их» [9, с. 208].

Так как андреевцы были мусульманами, то резонно считать, что и карабулаки в отряде

ими возглавляемом, также были мусульманами. По всей видимости, они были из числа восточных карабулаков (т.н. качкалыковцев), которые начали принимать ислам еще в 1762 г., когда переселялись в район Качкалыкских гор. Условием их переселения, со стороны андреевских феодалов как раз было принятие ими мусульманской религии (см. ниже). Например, Ш. Б. Ахмадов отмечает ссылаясь на А. И. Ахвердова, что шесть чеченских деревень, называемых качкалыковскими, в конце XVIII – начале XIX в. были расположены в непосредственной близости от деревни Аксаевской и подчинялись ее старшему владельцу Хасбулату Арсланбекову. Далее автор пишет: «А. М. Буцковский отмечает также, что среди чеченцев, проживавших по рр. Сунжа и Терек, а также часть их называвшихся качкалыковскими, была переселена оттуда аксаевскими князьями и размещена на землях между рр. Сунжею и Аксаем на определенных условиях в шести деревнях» [\[10, с. 471\]](#).

Интересно отметить, что качкалыковцы должны были выделять воинов в вспомогательные войска аксаевских князей [\[10, с. 471-472\]](#). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в отряде андреевских князей, которых встретил Л.Л. Штедер, были карабулакские воины и, что в предании о Махмаде говорится как о предводителе орстхоецев, т.е. карабулаков. Л. Л. Штедер называет их соплеменниками андреевских князей, что говорит о тесных взаимоотношениях между ними. Следовательно, логично выглядит желание ингушцев выйти на кумыкского феодала через карабулаков.

О западных карабулаках И. А. Гюльденштедт отмечает, что у них отсутствуют князья, но зато есть старшины, платят дань аксайским князьям [\[10, с. 463\]](#).

Андреевских князей и возглавляемый ими отряд Л. Л. Штедер встретил на р. Эндерпс: «Их предводитель был молодой андреевский князь Шабулат Аджи, сын Муртазали, со своим приемным отцом, старейшиной карабулаков и с 9 чеченцами на лошадях» [\[9, с. 205\]](#). По всей видимости, это тот самый Аджи-Муртазали, который упоминается в Указе Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту А.А. Ступишину о переселении на пустующие земли горских народов от 26 апреля 1763 г., и в котором говорится, что эндереевский владелец Аджи-Муртазалий Чопанов просил позволения о переводе подвластного ему живущих в горах карабулаков, «выше р. Сунжи на место пустое, при речке Аксай-су лежащее» [\[11, л. 112-117\]](#).

Упоминаемая в документе Аксай-су – это р. Асса, которую Л. Л. Штедер также называет Аксай [\[9, с. 207\]](#). Возможно, современное наименование этой реки Асса является результатом регressiveной ассимиляции в комплексе "кс" в названии Аксай (сравн. инг. черксий à черсий – «черкесы»). Примечательно, что и в названии р. Аксай на границе Дагестана и Чечни в комплексе "кс" также происходит регressiveная ассимиляция в чеченском произношении. Например, в одном из чеченских сказаний р. Аксай называется Ясси [\[8, с. 349\]](#). Причем, недалеко от этой реки, как и в районе р. Ассай (в Ассиновском ущелье), находится село Даттах (Даттых).

Из всего вышесказанного следует, что имам Магомет-хаджи (Махмад) был какой-то кумыкский феодал. Как уже писалось выше, у нас нет никаких данных о чеченском или орстхоевском предводителе (или владельце) конца XVIII в. с таким именем, имевшего власть «от моря до гор». Зато известен в Дагестане – это шамхал Бамат, правивший в шамхальстве Тарковском как раз в конце XVIII в.

Бамат – это тюркский вариант имени Мухаммад. В грамоте Екатерины II от 19 апр. 1793 г. он назван Магометом-шамхалом Тарковским, владельцем Буйнакским и Дагестанским.

Предшественник Бамата и его брат Муртазали в 1776 г. вступил в российское подданство [\[12, с. 63\]](#). Возможно, с его именем связано название местность в верховьях р. Фортанги, где позднее возникли несколько поселений, с одинаковыми названиями – Бамут.

В предании говорится о нападении чеченцев. Согласно приводимым в работе Ш. Б. Ахмадова архивным данным, до восстания под предводительством шейха Мансура, часть плоскостных чеченцев управлялась тарковскими или эндереевскими владельцами [\[10, с.468–470\]](#). В другом месте своего труда Ш. Б. Ахмадов отмечает, что андреевские кумыки управляли «знатною частью чеченцев» и, что «кумыкский владелец Айдемир Бардыханов владел аулами Большой Чечни и Большие Атаги. Кабардинский князь Девлет-Гирей Черкасский владел чеченскими селениями Шали, Герменчук и др. Во главе брагунских (с. Брагуны) чеченцев стоял Мудар» [\[10, с. 485–486\]](#). Войско Магомет-хаджи, согласно преданию, состояла из народов, живших «от моря до гор», в том числе и из чеченцев. То есть под «чеченцами» здесь имеются в виду мусульманские народы Чечни и Дагестана, в общем. Такой вывод подтверждается и тем, что одних варианта преданиях о чеченцах вообще нет упоминаний. По сути это было противостояние мусульманского войска с ингушами, исповедовавшими в то время смесь христианства с языческими верованиями.

Таким образом, статус «предводитель орстхойцев» Магомету-шамхалу Тарковскому вполне подходит. Следовательно, он, на наш взгляд, и есть тот самый Магомет-хаджи, которого ингуши подключили к переговорам с «князем Мударовым». Это также согласуется с тем, что события, о которых идет речь, происходили в конце XVIII в., когда Магомет Тарковский правил в шамхальстве.

Галгаецы в конце XVIII в. действительно начали признавать себя подданными шамхала, о чем пишет ингушский исследователь второй половины XIX в. Чах Ахриев . Автора, сообщает, что галгаевцы подданство шамхалов признавали, но были совершенно независимы [\[14, с. 4\]](#). Видимо, по каким-то причинам галгаевцы формально признавали подданство. Возможно, это произошло в 1760-х г., когда они вместе с карабулаками намеревались выселиться на плоскость. Других поводов принимать это подданство, на наш взгляд, у галгаевцев не было. Живя в высокогорный районах и имея мощные укрепления (Галгай Коашке), охранявшие вход в Галгайче и боевые башни, они были для власти шамхалов недосягаемы. Поэтому, мы склонны считать, что формальное признание власти шамхала галгаевцами было связано с их намерением переселиться на плоскость.

В конце XVIII в. Малая Кабарда делилась на два владения: Таусултан и Гелахстан. Последнее включала поселения двух княжеских фамилий – Ахловых и Мударовых. Территория Назрановской долины считалась частью владений Мударовых. При этом сами кабардинцы здесь не жили из-за угроз нападений горцев. Они оставили эти места в середине XVIII в. Эта информация согласуется со сведениями из варианта предания, приводимого в статье Б. Ц. Хабриева, что князь Мударов земли в районе Назрани использовал под пастбища и охотничьи угодья, «но сам здесь не поселился, так как жить в столь диких местах было опасно из-за бесчисленных шаек грабителей».

Вместе с тем, в предании говорится, что Назрань в то время представляла из себя пустошь и была спорным местом между кабардинцами и чеченцами [\[4, с. 70\]](#). В этой связи отметим, что в XIX в. некий Гуданат Мударов в своем «Прошении в Комиссию, учрежденную для рассмотрения личных и поземельных прав туземцев Терской области»,

дает краткий обзор происхождения своего рода и о границах его владений [\[15, л. 20–22о6\]](#). Согласно сведениям из этого документа, Этагай и его потомки, происходившие из «галгайских обществ», владели землями между реками Аргун и Камбилиевка. Они переселяли в свои владения соплеменников галгаевцев и представителей родственных вайнахских племен. На этих территориях в XIX появились плоскостная Ингушетия и т.н. «Малая Чечня».

В XIX в. П. А. Головинский отмечал, что «фамилии Турло, Мудар и Этагай, считались наиболее знатными и влиятельными (в Чечне – прим. М. А.)... Аул Этагу или Атаги, на р. Аргун, основан фамилией Этагай» [\[16, с. 243\]](#). Л. Л. Штедер в 1781 г. в верховьях Аргуна упоминает племя *Attaja* [\[17, с. 169\]](#). Я.Я. Штелин называет их атахизами, И. А. Гюльденштедт – атахузами [\[9, 165, 239\]](#).

Более того, из документа следует, что в начале XIX в. потомок Этагая по имени Алхазур способствовал переселению горных соплеменников галгаев на свои бывшие владения [\[15, л. 20–22о6\]](#). Исходя из всего этого, мы приходим к выводу, что в варианте предания, записанного Б. К. Далгатом, под «чеченцами», оспаривавшими район Назрани, имеются в виду потомки Этагая Галгайского, владевшие Малой Чечней и называвшиеся «чеченскими князьями».

Итак, ингуши вели переговоры с кабардинским князем Мударом, подключив кумыкского шамхала Магомет-хаджи, который «хорошо относится к галгаям» и «называл братьями». Возможно, хорошее отношение Магомета-хаджи к галгаям было связано с тем, что кумыкский владелец их с карабулаками относили к одному народу. Действительно, Готлиб Георги в 1766 г. и Симон Паллас в 1794 г. сообщают, что карабулаки прежде назывались ингушами и происходят от них, а язык их состоит из кистинских (т.е. ингушских) и чеченских наречий [\[9, с. 177; 279\]](#). Возможно, жившие в восточных районах карабулаки говорили на смешанном ингушско-чеченском говоре.

Вообще, из приводимых выше данных, видны близкородственные отношения между ингушами и карабулаками. Примечательно, что в 1762 г., карабулаки ходатайствовали за «ингушев» перед русскими об их переселении на плоскость [\[11, л. 117\]](#). Иными словами, информация из ингушского предания о попытке галгаевцев через орстхоецев, связаться с владельцами плоскостных земель, находит подтверждение в архивном документе. Следовательно, первые попытки ангуштинцев и карабулаков реэмигрировать на плоскость начались еще в 1760-х гг.

В этой связи укажем на карту под названием «Течение реки Терека, Большой и Малой Кабарды с около Кавказов лежащими странами», составленную Я. Я. Штелином и изданную Географическим департаментом Императорской Академии наук [\[18, без лаг.\]](#). Сама карта издана в 1771 г., но следует учесть, что составлялась она ранее этой даты. При ее составлении могли использоваться данные из источников более раннего периода. Ведь в ту эпоху не было возможности обновлять данные через короткий период времени. Как источник информации использовались труды путешественников и исследователей разного периода, посещавшие и описавшие нужный составителю район. При этом следует отметить, что сам Я. Я Штелин не был на Кавказе.

На этой карте р. Назранка, которая обозначена здесь как *Несран*, в нижнем и среднем течении протекает по территории ингушцев, которые здесь отмечены под названием «кисты ингушевски». Кружками, видимо, обозначены какие-то поселения, посты или стоянки. Это примерно район современных населенных пунктов Янадаре, Экажево и

Гамурзиевский МО г. Назрань. Следовательно, ингушское присутствие в районе Назрани, если верить этой карте, зафиксировано не позднее 1771 г. Вполне возможно, что после 1762 г. ингушским племенам удалось занять юго-восточные и восточные районы Назрановской долины или поставить там свои посты как притензии на права владения этими территориями. Кстати, И. А. Гюльденштедт среди ингушских округов отмечает *Ендре*, название которого созвучно с названием современного с.п. Яндаре [\[9, с. 238\]](#). Впрочем, возможно, здесь речь идет о местности Карасу-Яндырь в районе впадения Ассы в Сунжу.

Согласно А. А. Цуциеву, ингушские аулы Шолхи, Ахки-Юрт у выхода на равнину рек Камбилиевка и Сунжа, возникают в 1750-60-х гг., а к 1770-80 гг. сторожевые посты ингушей достигают пункта нынешней Назрани [\[19, с. 16\]](#). И с тем, что в 1781 г. Л. Л. Штедер сообщает об «ахгуртах» (ахкиюртовских ингушах) в 4 верстах к востоку от р. Сунжи, примерно в районе современных с.п. Сунжа, Али-Юрт и г. Магас [\[9, с. 313\]](#).

Также на карте Штелина к востоку от кистов вдоль р. Сунжи до нижнего течения р. Гехи указаны *кумицки*. Однако на этой территории, как показано выше, в конце XVIII в. были поселены карабулаки и ингушки, находившиеся под покровительством эндиreeвских кумыков. Возможно, составитель карты имел сведения об этом и поэтому отметил эти племена термином *кумицки*, как указание на нахождение их под управлением кумыкских феодалов. Действительно, Я. Я. Штелин отмечает, что «(...)*харабулаки*, состоят отчасти под княжеской фамилиею *Алдамир* называемою, а отчасти под кабардинским князем *Двелет-Гиреем*» [\[18, без лаг.; 9, с. 165\]](#). Алдамир, видимо, это Айдемир Бардыханов, хан Эндиreeвского ханства. В районе Назрановской долины надпись *кумицки* переходит границу кистов. Возможно, так автор хотел подчеркнуть, что эта часть территории кистов также находилась под управлением эндиreeвцев.

К северо-востоку от *кумицки*, вдоль правого берега р. Сунжи отмечены чеченцы, видимо, жители владений князей Турловых.

К югу от чеченцев, указаны *атахи*. По всей видимости, это жители владений княжеского рода Этагай. То самое племя *атахи*, которое упоминается Л. Л. Штедером. Я. Я. Штелин пишет про них: «Третий народ, *Атаксисской* называемой, простирается между прочими реками и в восточную сторону до реки Аксай. К оным можно причислить еще четвертый народ, *Тавлинцы* называемый, который обитает в горах при вершинах всех вышеупомянутых рек» [\[18, без лаг.; 9, с. 165\]](#). Тавлинцы (инг. лоамарой, чеч. ламрой) на карте отмечены к югу от *атахи* между реками Асса и Аксай.

Таким образом, ингушки и карабулаки после 1762 г. начали выселяться на выделенные им эндиreeвскими феодалами и царской администрацией земли. Но занять весь район Назрановской долины и смежные с ней территории, уже покинутые кабардинцами, им не удавалось. Главной причиной, на наш взгляд, стала сложная международная обстановка того времени не позволившая незамедлительно исполнить намерение карабулаков. Например, о карачаево-балкарцах, осетинах и ингушах, Я. Я. Штелин пишет, что в 1739 году при заключении мира с османами они были объявлены «свободными и неподвластными России или Турции, однако они больше расположены к России. Кабардинцы тоже и поэтому время от времени присыпают в столицу своих князей для уверения об их дружелюбии» [\[9, с.163\]](#).

Иными словами, условия перемирия между османским султаном и русским царем препятствовали свободному выселению на территорию, считавшуюся «нейтральной». Но

после того, как началась война с османами, Россия в 1772 г. стала активно содействовать заселению карабулаками богатых угодий вдоль низовьев реки Ассы и в местности Карасу-Яндырь (в месте впадения р. Ассы в р. Сунжу) [\[20, с. 25-26\]](#). То есть здесь роль играла геополитика и противостояние османов и русских в регионе. В 1772 г. карабулаки приняли российское подданство [\[10, с. 463\]](#). Однако даже после этого, видимо, они не смогли основать здесь постоянные поселения, и освоение территории затянулось еще на 8-10 лет. Здесь причина, по нашему мнению, заключалась в том, что кумыкские владельцы не могли обеспечить переселенцам ту безопасность от кабардинских набегов, которую они ожидали. Дело в том, что чем ближе к кумыкским владениям селились переселенцы, тем легче было шамхалу или андреевским князьям защищать поселенцев от притеснений со стороны кабардинских князей. В документе говорится, что карабулаки и ингушцы просили защиты от кабардинцев (т.е. кабардинских князей), чеченцев (князей Турловых) и мичгизов (о них мы скажем ниже). Предлагали им защиту от них две стороны: русские, если они примут христианство; и эндереевские феодалы, если они примут ислам [\[11, л. 112-117\]](#).

Но по мере ослабления Кабарды и влияния османов в регионе, карабулаки и ингушки начали занимать все более западные территории и в начале 1780-х гг. они появились уже в районе верхнего течения р. Назранки и постепенно заняли всю Назрановскую долину. Причем первыми этот район, на наш взгляд, заняли ингушки. По крайней мере, Л.Л. Штедер в 1871 г. не отмечает карабулакские поселения в районе между современными с.п. Яндаре и Давыденко [\[9, с. 204-205\]](#). В это время селения карабулаков, в основном, располагались по Фортанге и к востоку от этой реки. Н. Г. Волкова, ссылаясь на Клапрота, пишет, что самая северная группа карабулаков обитала по маленькому ручью Балсу, а также занимала территории на запад от ручья Шелмигор, впадающего ниже р. Ассы в р. Сунжу [\[17, с. 157\]](#).

Согласно преданию, 80 дворах выселились в Назрановскую долину и эта не была первая волна переселения. Здесь также говорится, что получив добро на поселение, «в честь этого события люди произвели обряд заклания белого быка с черной головой». После этого они вернулись в Ангушт и стали уговаривать людей переселиться на новые территории. А те не решались, видимо помня, что земля эта считалась собственностью малокабардинских князей, которые часто совершали набеги. Поэтому переселились только после того, как первопоселенцы убедили их [\[8, с. 344\]](#), возможно, рассказав о гарантиях безопасности, полученных от шамхала Магомета.

В 1781 г. в районе р. Назранки Л.Л. Штедер отметил заставу ингушей [\[9, с. 213\]](#). Заставой автор, видимо, называет сторожевую башню Тоди глаа упоминающуюся в предании. Если это так, то в 1781 г. ингуши уже обосновались в этом районе, так как башню Тоди глаа построили, как явствует из предания, после обряда заклания белого быка. Видимо, после получения разрешения от дагестанских и кабардинских князей. Возможно, Л.Л. Штедер в 1781 г. застал одну из первых малочисленных волн переселенцев, которые еще основательно не закрепились здесь и кочевали с места на места, ввиду угрозы со стороны Кабарды. Даже в 1807 г. во время путешествия Клапрота ингуши часто меняли места поселения, переходя из одной долины в другую, ведя полукочевой образ жизни [\[6, с. 50, 69\]](#). Это объясняет причину того, что переселенцы первоначально поселились в землянках, как сказано предании [\[6, с. 70\]](#).

Далее попробуем выяснить, когда же в районе Назрановской долины появились более или менее постоянные карабулакские поселения. В этой связи интерес представляет

сведения из рапорта полковника Савельева на имя ген.-поручика П.С. Потемкина «О столкновении чеченской партии с карабулаками и их намерении напасть на ингушей, поселившихся у р. Назрань» от 29 мая 1787 г.», где говорится о чеченцах, которые «... потянувшись в верх за Сунжей до речки Настрана, хотели напасть на поселившихся тамо недавно вышедших из гор ингушевцев и мичкизов» [\[21, л. 362\]](#). Кем же были эти мичкизы? Известно, что кумыки так называли чеченцев, часто и всех вайнахов. Русские, вторя им, также не редко всех ингушей и чеченцев называли мичкизами. Однако в Указе Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту А.А. Ступишину о переселении на пустующие земли горских народов, мичкизы упоминаются как отдельное от чеченцев, ингушцев и карабулаков племя [\[11, л. 112–117\]](#). Понятно, что под этим названием скрывается какое-то вайнахское племя и название здесь употребляется в узком смысле.

К югу от Качкалыкских гор, где течет р. Мичиг, еще в XVI в. поселились аккинцы. Первоначально их и называли «мичкизами» и они одни из первых вайнахских обществ принявших ислам. От них же просили защиты карабулакские переселенцы во второй половине XVIII в., только начинавшие переходить в мусульманскую религию.

Иоганн Готлиб в конце XVIII в. разделял кистов на «чеченгов, югушцев, кистов ватского, ангушского и шемского округов, карабулаков и мельчегов» [\[9, с. 176–177\]](#). Причем мильчеги (т.е. мичкизы) указаны по Аксаку и Сунже, где обитали аккинцы. Однако вряд ли мичкизы из района р. Мичиг переселились в Назрановскую долину. Тем более в документе говорится о «вышедших из гор» мичкизах», в то время как мичкизы-аккинцы обитали на плоскости. Но вместе с тем, в составе мичкизов значительный процент составляли орстхоеvские (т.е. карабулакские) рода. К тому же аккинцы и орстхоеvцы, согласно народному преданию, имеют одно происхождения. Видимо, об этом были осведомлены их соседи и поэтому близкородственных карабулаков также называли мичкизами. Ведь называли же кумыки всех ингушей и чеченцев общим названием **мичкизы**, зная о родстве своих соседей мичкизов с ними. Если наши выводы верны, то в начале 1787 г. в районе Назрановской долины вместе с ингушами обосновались и карабулаки.

Вообще, ингушки и карабулаки селились вместе или в отдельных родовых хуторах поблизости друг от друга. Связано это было, на наш взгляд, не только с близким родством этих обществ между собой, но и с тем, что так им легче было обороняться от нападений внешних врагов. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что последние просили за ингушцев, о разрешении им на переселение в район Качкалыкских гор [\[11, л. 112–117\]](#). Поэтому вместе они осваивали и район Назрани.

О стремлении совместного заселения этих территорий карабулаками и ингушами свидетельствуют также источники конца XVIII – начала XIX в. Например, Л.Л. Штедер сообщает о совместных поселениях ингушцев и карабулаков – Ахкин-юрте и Казак-Гечу [\[9, с. 213; 17, с. 154\]](#). Также из архивных документов и полевых материалов известно, что на месте современного г. Сунжа в Ингушетии существовали леймоевский хутор Корей-юрт и цехоевский – Дебир-Юрт. Первые – это ангуштицы, вторые – карабулаки [\[22, с. 14–17\]](#). При этом в западных районах преобладали ингушки, а в восточных – карабулаки.

Во второй половине XVIII в., когда карабулаки и ингушки пытались переселиться на плоскость, в регионе главными и конкурирующими между собой игроками были царские наместники, кабардинские и дагестанские князья (многие из которых, между прочем, имели от Российской империи ярлык на управление горскими народами). Исследователи вооруженную борьбу горцев под предводительством шейха Мансура, наряду с тем, что

она была направлена против экспансии Российской империи на Северном Кавказе, не без оснований, считают также антифеодальной [\[13, с. 19–39; 10, с. 485\]](#).

Восточные районы Северного Кавказа находились в зоне влияния кумыкских и аварских феодалов, а западные – кабардинских феодалов. Интересы их сталкивались в предгорьях Центрального Кавказа. Князья имели дружеские отношения между собой, как представители правящего класса среди горских народов, но довольно частыми были и столкновения между ними. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Орцха Карцхал о переселении в Назрань договаривался с главными игроками в этом регионе – кабардинскими и кумыкскими владельцами.

В конце XVIII в. могущество кабардинских князей постепенно стало сходить на нет. В этой связи укажем на письмо командующего корпусом войск на Северном Кавказе И. Ф. де Медема кабардинским владельцам в 1773 г. с требованием прекратить нападения на ингушей [\[23, с. 306–307\]](#). Из него видно негативное отношение русских к кабардинцам. Дело в том, что во второй половине XVIII в. имевшие проосманские взгляды князья попали в немилость к российскому государю. В то же время, в соперничестве между кабардинскими и кумыкскими феодалами за обладание междуречьем Терека и Сунжи, русские стали поддерживать последних. России было выгодно приписывать земли горцев к своим подданным князьям, в территориальных спорах с османами, обострившихся во время основания Моздокской крепости и строительства дороги от этой крепости в Грузию. Поэтому русские старались заселять эти территории, пусть даже формально считающимися покорными себе племенами (ингушами, карабулаками, чеченцами, кумыками и т.д.).

Согласно преданию «О прошлом Назрани», назрановцы мирно жили три года, но потом у них случился конфликт с людьми их покровителя Магомета-хаджи и между ними произошли столкновения, вследствие чего гости вынуждены были спасаться бегством в Кабарду [\[8, с. 344\]](#). Далее в сообщается, что нападавшие пожаловались Магомету-хаджи. Решив отомстить назрановцам, «имам» собрал большое войско и напал на Назрань. Ингуши «стали стрелять из башни... Этим временем стемнело. Тогда враги покинули Назрань... Вскоре наibly имама создали новый отряд и двинули его на Назрань. Теперь враги имели пушку... Со звуком «хар-р-р» вылетали ядра и, не долетая до Назрани, скатывались в низины. От их шума, – а он становился все громче, люди проснулись и вышли из своих домов. Назрановцы собрались и вновь отбили врагов» [\[8, с. 345–346\]](#).

Эти сведения согласуются с информацией из варианта данного предания в работе Б. К. Далгата: «Орцханов выстроил для себя высокую деревянную башню и назвал ее «башней на ногах» (на четырех столбах); в ней могло поместиться для обороны несколько сот человек Чеченцы, проведав, что какой-то смельчак завладел оспариваемым ими от кабардинцев местом, пошли на него войною). Ингуши не испугались чеченцев и, забравшись в башню, стали защищаться, отстреливаться... От их огня чеченцы, наконец, не выдержали и обратились в бегство; ингуши пустились в погоню за ними с обнаженными шашками в руках... до самой р. Ниттыхой-х!» [\[6, с. 70\]](#).

Обращает на себя внимание, что в башне «могло поместиться для обороны несколько сот человек». Вряд ли в одной башне поместились бы такое количество обороняющихся. В таком случае это уже не башня, а небольшая крепость.

В предании говорится: «В селе на четырех сваях стояла башня Тоды. В ней засели Карцхал и другие люди – всего восемь человек» [\[8, с. 345\]](#). В варианте этого предания в

работе Б. К. Далгата, говорится о ста защитниках, занявших оборону в этой башне. Видимо, башен было больше, просто в памяти народа сохранилась та, в которой находился Карцхал. Тоди, возможно, это имя строителя башни.

Также сообщается, что нападавшие сумели поджечь башню и из нее выпрыгнули трое и остались невредимыми [\[8, с. 346\]](#). Если среди них был Карцхал, то почему о нем не упомянул рассказчик, ведь он главный герой во всей этой истории? Возможно, это также свидетельствует, что в селе башен было несколько.

Хотя рассказчики обычно свою сторону нахваливают, и вряд ли у назрановцев победа была столь блестящей, но важна здесь информация, что переселенцы мирно жили 3 года. Потом по каким-то причинам у них произошел конфликт с Магометом-хаджи, в результате чего между ними произошло сражение. На вряд эти столкновения остались бы незамеченными русскими. По всей видимости, речь идет о сражении между ингушами и 'чеченцами', которое произошло в 1783 г.

А. Н. Генко, ссылаясь на архивные документы, пишет, что в начале 1783 г. ингуши солидаризировались с жителями чеченских аулов Атаги и Альды. 3-7 марта того же года, карательная экспедиция п-ка Кека и м-ра Рика сожгла аулы атагинцев, а ингуши же не оказав сопротивления выдали заложников [\[24, с. 688-690\]](#). Здесь вспомним, что атагинцы управлялись галгайским родом Этагай. Алдынцы же находились под управлением дагестанских феодалов. Власть князей распространялась на селения: Большая и Малая Чечня, Большая Атага, Шали и др.» [\[10, с. 469-470\]](#). Видимо, последние увидев, что произошло с их более многочисленными соплеменниками, приняли решение не оказывать сопротивление, дабы избежать их участия.

А через 4 месяца царской администрации удалось поссорить ингушей и чеченцев. По этому поводу П. Г. Будков пишет: «В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас, разными образами, чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились имен каждая сторона от 1 т. человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 т. баранов» [\[25, с. 111\]](#). Эта информация согласуется с данными из ингушских преданий. Однако здесь даются более реалистичные данные об итогах сражения: войско Магомет-хаджи было вынуждено оставить Назрань и отойти в Чечню и Дагестан, однако сумело отогнать «у ингуш до 2 т. баранов». Впрочем, согласно сведениям из предания, назрановцам удалось отбить награбленное у нападавших [\[8, с. 344\]](#).

Тем не менее, до этого сражения назрановцы были в хороших отношениях с чеченцами и другими мусульманскими народами во владениях Шамхала и Мударовых, раз они в начале 1783 г. «солидаризировались» с ними. И это также согласуется с информацией из предания о том, что переселенцы «мирно прожили три года» [\[8, с. 344\]](#). Иными словами, поселение ингушцев в Назрани возникло в 1780 г.

Описываемые в предании события происходили, по крайней мере, до появления шейха Мансура. На это указывает тот факт, что в предании его имя не упоминается. А это не логично, так как Мансур, как предводитель мусульман Северного Кавказа, был очень популярен среди горцев.

Какие были причины, приведшие к столкновениям между бывшими союзниками? П. Г. Бутков приписывает это русской политике «разделяй и властвуй». Понятно, что без

участия русских здесь вряд ли обошлось. Однако, на наш взгляд, русские просто умело воспользовались возникшим между бывшими союзниками конфликтом, причиной которого, видимо, стал отказ большей части назрановцев принимать ислам. Как пишет Б. Ш. Ахмадов, со ссылкой на авторов конца XVIII в., в это время основная масса ингушцев и карабулаков исповедовала смесь языческих верований с христианством [\[10, с. 462–467\]](#). Эти общества, как отмечалось выше, заняли Назрановскую долину при поддержке галгайского рода Этагай и шамхала Тарковского. Главными условиями, которые феодалы ставили перед горцами при их переселении в свои владения, были принятие ислама и арендная плата. Действительно, в предании говорится, что Орцха Карцхал обещал платить за пользование землей. Князья, будучи мусульманами, категорически не желали в своих владениях селить язычников. Например, такие же условия ставились кумыкскими феодалами перед карабулками в 1762 г. [\[11, л. 112–117\]](#). Поэтому ингушки в конце XVIII в. также переселялись с условием принятия ислама и арендной платы.

Но судя по всему, ингушский старшина не был до конца честен с мусульманскими феодалами. В предании говорится, что Карцхал схитрил, обещав платить за пользование землей «пока деревянная ограда нового поселения не сгниет». Вообще, из контекста предания видно, что Орцха Карцхал не хотел платить. Также, возможно, ингушский старшина не сильно желал оставлять верований предков и переходить в ислам. По крайней мере, массовый переход назрановцев в мусульманскую религию зафиксирован лишь начале XIX в. [\[1, с. 891\]](#). Возможно, зная, что если он не согласись, то ему будет отказано на переселение, Орцха Карцхал вначале согласился с условиями феодалов, и даже решил поддержать соплеменников атагинцев. Но потом перестал выполнять условия договора.

В этой связи отметим, что «в своих первых сведениях, доставленных в ставку царских властей в Кизляр 4 марта 1785 г., старшина деревни Кулары Кайтуко Баков сообщил, что, будучи в Алдынской деревне 3 марта 1785 г., им были замечены приготовления жителей многих чеченских деревень к походу..., и говорят, что пойдут с Мансуром к ингушам для обращения их в магометанство и для отыскания какого-то древнего Алкорана, якобы хранящегося у ингушей» [\[26, л. 36–36об\]](#).

Здесь возникает резонный вопрос: как «древний Алкоран» оказался у ингушей, если они в это время в абсолютном большинстве были язычниками или христианами? Мы объясняем это тем, что назрановцы его получили от кумыкских или кабардинских мулл, с которыми договаривались о переселении в Назрановскую долину, на условии принятие ислама. В таком случае тем более понятна разгневанность Магомета-хаджи на Орцха Карцхала [\[8, с. 345\]](#), который принял такой подарок и не выполнил обещание принятия мусульманской религии. Видимо, вопрос возвращения попавшего в руки язычников «древнего Алкорана», или приведение их в ислам, стоял остро в мусульманской среде Северного Кавказа, раз предводитель мусульман Мансур и его войско хотели отправиться к ним в поисках Священного Писания.

Как отмечалось выше, русские принимали активное участие в этих событиях. В данном случае, они пытались склонить назрановцев к принятию христианства. О сопернических отношениях в этом вопросе между царскими представителями и местными владельцами свидетельствует вышеназванный документ 1763 г. где ротмистр Макаров пытается подчеркнуть, что за принятие христианства от русских карабулаки получат защиту большую, чем могли предложить местные феодалы, которые сами считались подданными русского царя [\[11, л. 112, 117\]](#). Но если живших ближе к кумыкским владениям и в

окружении мусульманских народов восточных карабулаков царским спецслужбам не удалось склонить к принятию христианской веры, то с назрановцами и западными карабулаками они имели успех. Последние о своем желании принять христианства сообщали Л.Л. Штедеру и просили защиты от чеченцев (т.е. отмусульман в общем) [\[9, с. 208\]](#).

Уговорить Орцха Карцхала из полухристианских верований перейти в христианство русским также не составило большого труда. При этом они вряд ли не понимали, какая будет ответная реакция шамхала. Видимо, это имел ввиду Бутков, когда писал, что русские поссорили разными способами, «чеченские народы» с ингушами [\[25, с.111\]](#). Царские спецслужбы таким образом ссорили между собой племена, признававшие подданство Российской империи, чтобы они ослабляли друг друга и нуждались в ней, как в третейском судье.

Иными словами, карабулаки и ингушки оказались между двумя огнями: с одной стороны местные феодалы ставили условие для переселения в свои владения – принятие ислама; с другой стороны – царские представители, предлагали им принять христианскую религию и большую защиту. При этом горцы видели, что и кумыкские, и кабардинские феодалы, в основном, сами являются подданными российского государства и понимали кто хозяин в регионе. Возможно, поэтому ингушки и западные карабулаки, жившие достаточно далеко от кумыкских владений, условия предлагаемые русскими посчитали более предпочтительными. Да и христианство, предлагаемое русскими, была ближе к верованиям основной массы ингушских племен на тот период.

Принятие христианства было важным условием, которое ставилось русской администрацией перед горцами, выселяющимися на плоскость. Видимо, в этой ситуации Орцха Карцхал пытался маневрировать и хитрить, так как не хотел ссориться ни с одной из этих сторон. Но в итоге, ему пришлось определиться и, судя по дальнейшим событиям, ингушки, как и западная часть карабулаков, приняли условия русских.

Восточные же карабулаки, находясь в окружении мусульманских племен и поближе к кумыкским владениям, приняли условия, поставленные перед ними шамхалом. Впрочем, в итоге также отказались платить, как только закрепились и окрепли на новом месте [\[10, с. 471\]](#).

Исходя из всего вышесказанного, события, возможно, развивались следующим образом: Магомет-хаджи послал небольшой отряд (в предании говорится о 100 воинах), для патрулирования приграничных территорий и одним из их пунктов назначения была ингушская деревня Назрань. Когда патруль добрался туда, то с удивлением узнает, что назрановцы не приняли ислам и отказывались платить. Далее происходит ссора между местными и гостями, вследствие чего последние были вынуждены спасаться бегством. Узнав об этом разгневанный кумыкский владелец «собрал воинов от всех народов, что живут вокруг, начиная от моря и до гор, и двинулся на Назрань, чтобы завоевать ее».

Численность защитников Назрани говорит о том, что среди них были не только ее жители, так как малочисленное на 1783 г. население этой деревни (от 80 до 150 дворов согласно преданию) вряд ли смогло бы выставить тысяча воинов, как пишет Бутков, и отразить нападение многочисленного войска дагестанского владельца. По нашему мнению, в защите Назрани участвовали и другие ингушские общества, в том числе и западные карабулаки. Последние в это время, судя по сообщениям Л.Л. Штедера, действительно подвергались нападениям чеченцев и получали защиту от русских,

которые пытались воспользоваться этой ситуацией [\[7, с. 207, 208\]](#). Подтверждается такой вывод и тем, что в варианте предания, записанного Б. К. Далгатом, говорится, что ингуши пустились в погоню за напавшими на Назрань с обнаженными шашками в руках «до самой р. Ниттыхой-х» [\[6, с. 70\]](#). Здесь река Ниттыхой (современная р. Нетхой в Чечне) упоминается не случайно. По этой реке проходила условная граница между чеченцами и западными карабулаками. По нашему мнению, это указывает на то, что жители Назрани были в союзе с карабулаками. А иначе навряд ли последние позволили бы назрановцам преследовать нападавших на своей территории. Защита Назрани, видимо, происходила при активном участии в ней карабулаков.

Таким образом, основной причиной стал, отказ принимать мусульманскую религию назрановцами. Все попытки мусульманских владельцев склонить последних к этому не имели успеха. И лишь в начале XIX в. равнинные ингуши начали массово переходить в ислам на добровольной основе.

Судя по имеющим косвенным данным, первые попытки возвращения на плоскость ингушские племена начали предпринимать еще в XVII в. В этой связи отметим еще один вариант предания об основании Назрани, который записал Н. Ф. Яковлев: «По преданию около 200 лет назад вышел из гор, из селения Ангушт, ингуш по имени Орцха Кэрцхал, из потомков Малсэга и первый поселился на берегах «матери Назрани»... За занятую землю воевал Кэрцхал с чеченцами, осетинами, кабардинцами и ни разу не выпустил из своих рук Назрань. Мало-помалу враги стали водить с ним дружбу, а ингуши стекались к нему с гор и селились около» [\[8, с. 347\]](#). Важно отметить, что согласно и этому варианту предания, Орцха Карцхал и его люди первыми заняли пустующие земли района Назрани после ухода кабардицев. Также здесь говорится, что Назрань основали 200 лет назад. Если считать от времени, когда Н. Ф. Яковлев записывал это предание, то основание поселения происходило в начале XVIII в. На наш взгляд, рассказчик здесь имеет ввиду не время основания Назрани Карцхалом, а период первых попыток ингушцев и карабулаков переселиться в Назрановскую долину. Действительно, это время удивительным образом совпадает с датой переселения галгаев на плоскость, приводимой в «Прошении» Гудантом Мударовым (150 и более лет назад относительно середины XIX в.). Иными словами, дата переселения ингушей на плоскость, приводимая в предании, подтверждается архивным документом.

Возможно, это была удачная попытка возвращение ингушских племен на плоскость в XVII – начале XVIII в. Например, в одном из ингушских преданий рассказывается: «Раньше, когда наши отцы жили в горах, эта равнина была в руках черкесских, кабардинских и ногайских князей... Немало горя вынесли от плоскостных князей и горные люди. Чтобы отбивать их нападение, лучшие мужчины ставили у подножья гор свои посты. Одним из таких постов в те времена был Ачамза-курган, который расположен близ села Экажево (этот район на карте Штелина 1771 г. входит в территорию «кистов ингушовски» – прим. М.А.). Ингушский Лоаман Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо – все трое, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели» [\[27, с. 98\]](#). О столкновении с кабардинцами и отвоевании этих земель у ногайцев, говорится и в «Прошении» Гуданта Мударова. Н. Ф. Дубровин также писал о том, что чеченцы (подразумевая все нахские племена) подвергались нападению ногайцев, кумыков и кабардинцев [\[28, с. 370\]](#). Возможно, что эти события связаны с вооруженной борьбой горцев с кабардино-ногайским нашествием, описываемое в ингушском героико-эпической песне «Махкинан» [\[29, с.2-3\]](#). В предании, между прочим, говорится, что

«Орцхо Карцхал и Эги Арсмак знали, что эта земля в свое время была захвачена кабардинским родом князей Мударовых».

По нашему мнению, с этими событиями связаны и сведения из предания «Как ингушки отбили князей», где говорится: «В давние времена богатые князья простирали свою власть на и ингушские земли. Они препятствовали ингушам селиться на равнинных землях и притесняли их. Это было время появления огнестрельного оружия... Пошли они за горы, и принесли оттуда ружья... Ингуши уничтожили князей, освободились от их насилия и зажили свободно» [8, с. 415]. Примечательно, что практически во всех приведенных в этой статье преданиях, плоскостные земли называются ингушскими. Иными словами в сознании ингушей плоскостные земли Центрального Кавказа были ингушскими, но завоеванные кабардинцами и ногайцами. Когда произошло это завоевание? В вышеприведенном предании говорится об огнестрельном оружии, которое у ингушей появилось не позднее XVII в. По крайней мере, в «статьевых списках» мы находим сообщение о том, что в 1604 г. «недалеко от входа с севера в Дарьяльское ущелье в ночи приходили на послов горские люди с вогненным боем» [30, с. 65]. Упоминание в преданиях ногайцев также говорит о том, что описываемые события происходили не позднее конца XVII в., когда этот народ еще имели силы нападать на поселения горцев.

Здесь отметим, что «Ачамза-курган» (инг. Ачамз-Боарз) находится в районе, где Л.Л. Штедер отметил ахкиюртовские поселения, как населенные ингушами и карабулаками. Возможно, герои из предания *Лоаман Ха* и *Нарт-Орстхо* здесь являются эпонимами ингушцев и карабулаков, а *Нарт-Нясар* – эпонимом местности Назрань (инг. *Насаре*). В таком случае, в предании зафиксировано совместная охрана этих мест ингушскими племенами от степных народов задолго до их возвращения в Назрановскую долину и другие плоскостные земли вплоть до Качкалыкских гор.

Ф.И. Горепекин приводит сведения о заселенности территории Назрановской долины «ингушским родом „Несер-мол“» [31, с. 18]. Мы вполне допускаем, что это название исторически связано с нахоязычным населением, жившим здесь до прихода кабардинцев и ногайцев (возможно, с дзурдзуками-цовцами).

Таким образом, возвращение ингушских племен на равнину происходило в течение XVII–XIX вв. Исходя из того, что с времени переселения в Назрановскую долину во главе с Орцхой Карцхалом и до сражения 1783 г. ингуши на новом месте мирно прожили 3 года (согласно преданию), а также учитывая сообщение Л. Л. Штедера об ингушском посте в этом районе, мы приходим к выводу, что основание первого более или менее постоянного ингушского поселения и обряд заклания белого быка в честь этого события, происходило не позднее 1780–1781 гг., посредством договора с кабардинскими и кумыкскими владельцами.

Библиография

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. главного управления Наместника Кавказского, 1870. Т. 4. 1019 с.
2. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 10а.
3. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 21.
4. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. главного управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. VI. С. 74-105.
5. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с

- мюридизмом // Кавказский сборник / Под ред. артиллерии генерал-майора Черняевского. Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского военного округа, 1886. Т. 10. С. 1-224.
6. Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. 380 с.
7. Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 1622 с.
8. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахкильгов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1986. 528 с.
9. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. / Сост. В. Аталиков. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. 3. 305 с.
10. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: Джангар, 2002. 528 с.
11. ЦГА ДАССР (Центральный государственный архив ДАССР). Ф. 379. Оп. 1. Д. 523.
12. Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. : Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаева. – Москва : Наука, 1969. 396 с.
13. Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 19-39.
14. Ахриев Чах. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1875. С. 1-40 с.
15. ЦГА РСО-Алания (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания). Ф. 256. Оп. 1. Д. 7.
16. Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ: Типография Терского областного управления, 1878. Вып. I. Отд. II. С. 241-260.
17. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Ответ. ред. В. К. Гарданов. АН СССР. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1974. 276 с.
18. Штелин Я. Я. О Черкасской или Кабардинской земле / Географический месяцеслов на 1772 г. СПб: Изд-во при Императорской Академии наук, 1771. [Без пагинации]
19. Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 1998. 200 с.
20. История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия / Чеч.-Инг. гос. ун-т им. Л. Н. Толстого / Сост. Б. А. Ахмадов и др.. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1988. 58 с.
21. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 22.
22. Картоев М. М. К истории города Сунжа // Вестник Ингушского НИИ ГН. 2017. № 1. С. 14-16.
23. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. 510 с.
24. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР / Ред. изд. акад. В. В. Бартольд. Л. : Издательство Академии наук СССР, 1930. Т. V. С. 681-761.
25. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. / Императорская академия наук. Непременный секретарь академик К. Веселовский. Санкт-

- Петербург: Типография Императорской академии наук, 1869. Ч. 2. 602 с.
26. ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив). Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 3.
27. Антология ингушского фольклора. В 10 томах. Нартские сказания. Легенды / сост. И.А. Даихильгов. Нальчик: Эль-фа, 2006. Т. 4. 488 с.
28. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 томах. СПб.: Тип.. Департамента Уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.
29. Козьмин В. Махкинан (Фея гор) // Кавказ. 1895. № 98. С. 2-3.
30. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией : вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. / АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
31. Труды Ф. И. Горепекина / Материалы ПФА РАН. / Сост. Албогачиева М. С-Г. Санкт-Петербург – Магас: Ладога, 2006. 212 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани»

Предмет исследования определение даты основания первого ингушского поселения на территории . в районе современного г. Назрани Республики Ингушетия

Методология исследования. базируется на принципах научности, системности, историзма. В работе использованы историко-хронологический, историко-генетический и др. методы.

Актуальность. Изучение времени основания того или иного поселения на Северном Кавказе является одной из актуальных задач историков и краеведов. Изучение времени основания ингушского населенного пункта Назрань, которое до настоящего времени вызывает споры как в научной среде, так и в обществе. Кроме того определение времени основания Назрани может способствовать изучению характера миграционных процессов с гора в предгорья, отношения ингушей с другими народами региона, в частности с кабардинцами, кумыками и т.д., а также взаимоотношения между субэтническими группами (галгаевцами, орстхойцами, карабулаками и др.)

Научная новизна определяется постановкой вопроса и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный с элементами описательности. Структура работы логически построена и нацелена на достижение цели статьи. Автор излагает материал в повествовательном стиле и подкрепляет текст ссылками на работы предшественников или же на архивные документы. В начале статьи автор отмечает, что точных данных о дате основания данного населенного пункта нет. В 2000-м году на республиканской научно-практической конференции в Ингушетии проф. И.А. Даихильгов предложил считать датой основания Назрани 1781 года, основываясь на сведениях русского офицера Л.Л.Штедера, побывавшего в районе Назрановской долины в 1981 г. Автор отмечает, что «сам А. И. Даихильгов, на основе сопоставления данных из ингушского фольклора с данными, которые приводит П. Г. Бутков, приходит к выводу, что первое поселение ингушей в Назрани было основано в 1780 г. Но для более обоснованной датировки, профессор остановился на дате 1781 г.». Автор разбирает альтернативные версии о том, что Назрань была основана в 1810 г., и на основе архивных, фольклорных данных и опираясь широкого комплекса литературы исследует данный вопрос и доказывает, что дата основания Назрани приходится на

конец XVIII в. (на 1781 г.), отмечая, что процесс переселения на равнину ингушей проходил постепенно и в несколько этапов. В статье дается характеристика конкурирующих в регионе сил и автор пишет, что попытки переселится на плоскость, начались раньше, но для этого не было условий, а «во второй половине XVIII в., в регионе главными и конкурирующими между собой игроками были царские наместники, кабардинские и дагестанские князья. Подчеркивает, что русские поддерживали переселение горцев на равнину, преследуя свои geopolитические цели. Автор разбирает ряд фольклорных преданий, которые подтверждаются архивными документами, приводит интересные данные о времени принятия ислами карабулаками, гъалгъаями, ингушами. В заключении автор приходит к выводу о времени основания Назрани и пишет: «возвращение ингушских племен на равнину происходило в течение XVII-XIX вв..., основание первого более или менее постоянного ингушского поселения и обряд заклания белого быка в честь этого события, происходило не позднее 1780–1781 гг., посредством договора с кабардинскими и кумыкскими владельцами».

Библиография работы составляет 31 источник: архивные документы из РГАДА, РГВИА, ЦГА ДАССР, ЦГА РСО-Алания; работы российских исследователей XIX в., а также работы, изданные в XX веке и в настоящее время. Библиография дает возможность достичь цели работы.

Апелляция к оппонентам Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную тему и представляется, что она вызовет интерес к исследуемой теме и к дискуссии по ряду вопросов среди исследователей Северного Кавказа по XVII- началу XIXв. Статья может быть рекомендована к печати в журнале «Исторический журнал: научные исследования».